

19 СЕН 1980

Валентин КАТАЕВ

ВСТРЕЧИ С БУЛГАКОВЫМ

В двадцатые годы в редакции газеты «Гудок» собралась блестящая плеяда литераторов, имена которых впоследствии стали известными самому широкому читателю, — Юрий Олеша, Михаил Булгаков, Евгений Петров, Исаак Бабель, Валентин Катаев. Об этом удивительном периоде в творчестве писателей написано много, и все же каждое свидетельство добавляет новые штрихи к представлению о творческой атмосфере того времени. В основу статьи В. Катаева положена стенограмма его выступления на одном из литературных вечеров, посвященных творчеству Михаила Афанасьевича Булгакова.

Булгаков был удивительный писатель. И я, которому довелось почти ежедневно с ним встречаться в самые ранние годы нашей творческой жизни, в первые годы Советской власти, когда мы работали в «Гудке», не переставал удивляться блестящему таланту Булгакова.

Литературная судьба Булгакова распадается на несколько периодов. Сначала это был уже сложившийся сатирический писатель, который в силу обстоятельств должен был работать в газете как рядовой фельетонист, а потом к нему пришла большая слава как автору повестей и драматургу.

Мне бы хотелось остановиться на том небольшом периоде жизни, очень колоритном, который был связан для меня не только с именем Булгакова, но с именем Олеша, с именами Ильфа и Петрова, Бабеля, Славина и многих других писателей.

Это были двадцатые годы. Бедствовали. Одевались во что попало. Булгаков, например, один раз появился в редакции в пижамах, поверх которой у него была надета старая потертая шуба.

И когда я через много лет это ему напомнил, он страшно обиделся и сказал: «Это неправда, никогда я не позволил бы себе поверх пижам надевать шубу!».

Работая в «Гудке», Булгаков подписывал свои фельетоны, очень смешные и ядовитые, «Крахмальная манишка». Несколько лет назад этот псевдоним приписывали мне, и один булгаковский фельетон попал в собрание моих сочинений. Думали, что «Крахмальная манишка» — это я. Булгаков писал острые фельетоны на бытовые темы и с большим блеском разоблачал мещанство. Но был он художником уже гораздо выше этого своего газетного амплуа. Он был старше нас всех — его товарищей по газете — и мы его воспринимали почти как старика. По характеру своему Булгаков был хороший семьянин. А мы были богемы. Он умел хорошо и организованно работать. В определенные часы он садился за стол и писал свои вещи, которые потом прославились. Нас он подкармливал, но не унижая, а придавал этому характер милости. Он нас затаскивал к себе и говорил: «Ну, конечно, вы уже давно обедали, индейку, наверное, кушали, но, может быть, вы все-таки что-нибудь съедите?»

У Булгаковых всегда были щи хорошие, которые его милая жена нам наливала по полной тарелке, и мы с Олешей с удовольствием ели эти щи, и тут же, конечно, начинался пир остроумия. Олеша и Булгаков перекрывали друг

друга фантазией. Тут же Булгаков иногда читал нам свои вещи — уже не фельетоны, а отрывки из романа. Помню, как в один прекрасный день он сказал нам: «Знаете что, товарищи, я пишу роман, и если вы не возражаете, прочту несколько страничек». И он прочитал нам несколько отрывков очень хорошо написанного, живого, яркого произведения, которое потом постепенно превратилось в роман «Белая гвардия». Из этого романа Художественный театр с автором сделал пьесу, много десятилетий считавшуюся шедевром актерского исполнения, режиссерской работы и которую страшно любила публика.

Появление Булгакова в Художественном театре — это тоже некая комическая новелла из эпохи нашей работы в «Гудке».

Представьте себе редакцию газеты — большую накуренную комнату, в которой 5, 6 или 10 небритых молодых людей, пишущих заметки, фельетоны, обрабатывающих письма с мест.

И вообразите себе, что вдруг выясняется, что один из них давно написал пьесу, и она принята и пойдет в МХАТе, в лучшем театре мира. Страшно взбудоражен был весь «Гудок». Булгаков стал ходить в хорошем костюме и в галстуке. Но вдруг оказалось, что через некоторое время появляется пьеса другого гудковца, потом появляется пьеса третья, тоже гудковца — мои «Растратчики» и «Три толстяка» Олеша. Тогда все сотрудники «Гудка» перестали заниматься своими делами и начали писать пьесы. Когда бы вы ни пришли в «Гудок», у всех на столах лежат пачки бумаги и все пишут пьесы для Художественного театра.

Это было очень смешно и странно, что почему-то из железнодорожной газеты вышли авторы Художественного театра. Даже Станиславский был дезориентирован. И когда его спросили, работает ли театр с рабочими авторами, он не без гордости ответил: «Как же, как же, разве вы не знаете, что у нас идет пьеса железнодорожника Булгакова и готовятся еще две пьесы железнодорожников».

Пьеса в первом варианте, которую Булгаков нам читал, была не той пьесой, которую потом увидели зрители в МХАТе. Это была пьеса и романтическая, и сатирическая, многокартинная. Там было много ярких сценических образов, которые выпали. Тогда Художественный театр стремился к простоте, к камерности, и он немного подругому транспонировал пьесу Булгакова. Я думаю, что это оказалось даже лучше.

Ведь иногда интуиция актера и режиссера делает чудеса

В пьесе «Дни Турбиных» есть образ студента Ларноски. Как скажешь «Ларноски» так вы сразу увидите хуленького тогда Яншина. А у Булгакова он был задуман как здоровенный неуклюжий детина из провинции, который сразу стал неудобным человеком в доме. Эту комическую фигуру театр сделал совсем по-другому. Яншин и режиссера сделали Ларноски не таким, как написал Булгаков, но не хуже, а, может быть, даже лучше. «Дни Турбиных» были громкой победой Булгакова. И Булгаков из прозаика превратился на некоторое время в знаменитого драматурга.

Булгаков — автор великолепнейших сатирических повестей. Булгаков никак не мог отделаться от любви к сатире и появлялся то в «Крокодиле», то в «Красном перце». «Красный перец» помещался тогда в подвале на Б. Дмитровской, против ломбарда, там собирались великопленные художники и писатели-юмористы. Я туда привел Маяковского. И состоялась встреча Булгакова с Маяковским. Маяковскому не нравились вещи Булгакова, он ругал «Дни Турбиных», хотя тогда еще их не видел. Маяковский посмотрел на Булгакова ершисто. А Булгаков страшно любил новых людей. Маяковский он тоже не очень признавал, но ценил. Чувствуя в нем большого писателя, понимал его политический и общественный масштаб. Маяковский спросил у Булгакова: «Что вы сейчас пишете?» Булгаков оживился: «Я пишу сатирический роман, и вы знаете, там у меня есть профессор, а я не знаю, какую ему дать фамилию. Должно быть видно, что это советский профессор, но фамилия должна быть смешная. Может быть вы мне посоветуете?», и Маяковский сразу же сказал: «Тимирязев».

Булгаков страшно хохотал. Юмор сблизил Маяковского и Булгакова. Они очень мило беседовали. Но все-таки они тогда стояли по разную сторону театральных течений. Маяковский — это Мейерхольд, а Булгаков — Станиславский.

В общем, это была великолепная пора. Хочу еще сказать о Булгакове, что он был отличный стилист, публицист и природный беллетрист. Великолепно писал диалоги. Читать Булгакова легко и приятно.

В моей театральной жизни Булгаков тоже сыграл важную роль. Когда я написал пьесу «Растратчики», мне нужно было ее читать в театре. И вот я просто испугался. Это было второе чтение, причем знаменитые актеры МХАТа мне говорили: вы хорошо пишете, но читаете просто ужасно...

Я убедил Булгакова прочесть мою пьесу за меня. Он страшно не хотел. Упрямылся, морщился. Но все-таки я его упрямил. Он с блеском прочитал пьесу, чем оказал мне большую товарищескую услугу, потому что после чтения Булгакова эту пьесу нельзя было не принять. Ее приняли, поставили, и она с божьей помощью провалилась. Тогда я понял, почему Булгакову не хотелось ее читать.